

Врач выглядел озадаченным.

— Когда вы попали в аварию? — спросил он, разглядывая рентгеновский снимок.

— Год назад, — сглотнув, ответила я. Наш разговор мне все больше и больше не нравился: что он увидел на этих снимках, не говорит, а вопросов задает слишком много. — Что-нибудь серьезное? — спросила я. Вышло это у меня как-то испуганно.

Он взглянул из-под очков и профессионально улыбнулся, затем накрыл мою ладонь своей и ласково сказал:

— Анна Ивановна, мы здесь для того, чтобы разобраться, почему вас мучают частые головные боли. После аварии вы лежали в больнице «Скорой помощи»?

— Да, то есть нет. Я действительно находилась в больнице «Скорой помощи», — злясь на саму себя, вздохнула я, — но в Екатеринбурге. В то время мы жили там. А сюда переехали уже после аварии.

— А медицинская карта у вас сохранилась?

— Нет. Видите ли, мы отправляли вещи же-

лезнодорожным контейнером, и он куда-то запропастился. А когда прибыл по назначению... в общем, все наши вещи исчезли. — Он смотрел на меня с сомнением, а я неожиданно покраснела, хотя говорила чистую правду; все так и было: именно по этой причине (я имею в виду пропавший контейнер) у нас с мужем не было не только медицинских карт, но даже ни одной старой фотографии, никаких дорогих сердцу безделушек, милых сувениров на память, которыми непременно обзаводится любая семья.

— Расскажите мне об этой аварии, — вдруг попросил врач, а я смутилась: ничего о самой аварии я не помнила, так же как и о том, что ей предшествовало. О двадцатичетырехлетнем периоде своей жизни я знала исключительно со слов мужа. Но посвящать в это сидящего напротив человека я не собиралась, он и так смотрел на меня с подозрением, точно я шпион, террорист или наемный убийца из сериалов. Впрочем, я скорее всего преувеличиваю и интерес его действительно профессиональный. Я вздохнула и неуверенно начала:

— Авария произошла год назад, в мае. Я возвращалась с работы, уже стемнело. Я сворачивала к своему дому и влетела в «КамАЗ», оставленный кем-то возле тротуара. Несколько дней находилась без сознания. Перенесла две операции. В общей сложности полгода провела в больнице. Извините, наверное, не это вас интересует, но в медицине я не сильна и...

Он кивнул и улыбнулся, как-то странно

глядя на меня. Черт возьми, что он там увидел на этих снимках? Полчаса назад я вертела их в руках, усмехаясь и качая головой: не скажешь, что я выглядела красоткой. Однако ничего интересного на снимках я не обнаружила. Правда, я понятия не имела, как на рентгеновских снимках должна выглядеть здоровая голова, а как такая, как моя.

— Вы делали пластическую операцию? — спросил он, а я почувствовала мягкое беспокойство, точно что-то кольнуло в сердце. Почему меня так испугал его вопрос? Я не знаю, делали мне пластическую операцию или нет, зато точно помню свое ощущение, когда впервые после аварии посмотрела в зеркало. Такой же укол в сердце и странная тоска, будто вовсе не свое лицо я видела, будто мне поменяли тело... Конечно, это ужасная чепуха, Андрюша объяснял мне, что это результат стресса, есть даже специальный медицинский термин, только я его не запомнила. В конце концов, если я умудрилась забыть свое имя, почему бы мне не забыть, как я выглядела до того, как влетела в этот проклятый «КамАЗ»?

Тут я сообразила, что врач все еще вопросительно смотрит на меня, а свой вопрос он задал никак не меньше минуты назад.

— Извините, — пролепетала я и зачем-то соврала: — Мне действительно делали пластическую операцию, я ведь ударилась головой и на лице остались шрамы... — «Какого черта я вру?» Если он спрашивает об операции, то ско-

рее всего неспроста, что-то он там увидел на этих снимках. Андрюша должен знать, была операция или нет... Как странно, что я ничего, совершенно ничего не помню. Когда я задумываюсь над этим, мне делается страшно и никакие медицинские термины не помогают. Бесчисленное количество раз я пыталась вспомнить, я повторяла слово «мама», искренне надеясь, что увижу ее лицо перед своим мысленным взором, и ничего не видела, сплошная белая пелена. Когда мы говорили с мамой по телефону, я вслушивалась в ее голос и вновь пыталась представить ее лицо, но ничего не получалось. Видно, дела мои совсем плохи, иначе как еще объяснить такое?

Мои родители живут в Екатеринбурге. Весь месяц после аварии, пока я лежала в реанимации, они неотступно находились рядом. Затем меня перевели в клинику, в другой город (кстати, какой, я до сих пор не знаю), и родители вместе с Андрюшей сопровождали меня. Потом папа вернулся в Екатеринбург, чтобы продлить отпуск, и тут сказалось напряжение последних дней (я у родителей единственный ребенок), в дороге у него случился инфаркт. Его сняли с поезда на каком-то богом забытом полустанке, мама бросилась туда. Словом, когда я окончательно пришла в себя, мы с мамой так и не встретились: она не могла оставить отца, которому врачи рекомендовали покой (слава богу, чувствовал он себя неплохо), из санатория муж привез меня в этот город (Андрюшу перевели

сюда из Екатеринбурга за два месяца до аварии). Одну меня он в Екатеринбург не отпускал, а с отпуском у него были проблемы. Впрочем, в августе он точно возьмет отпуск и тогда мы поедем, а пока раз в неделю болтаем с мамой по телефону...

— Вас что-то мучает? — Еще один странный вопрос.

— Нет, почему? — испугалась я.

— Анна Ивановна, кроме частых головных болей, есть еще что-то?

— Что вы имеете в виду?

— Депрессия, сонливость?

— Нет, ничего такого... Я очень хочу ребенка, — брякнула я, глядя ему в глаза. — То есть я и мой муж, мы очень хотим ребенка. У меня были проблемы после аварии, я сейчас прохожу курс лечения у гинеколога, она интересовалась, как я себя чувствую, я пожаловалась на головные боли, и она направила меня к невропатологу, а он к вам.

— Да-да, я понял, — кивнул он. — Что ж, надеюсь, вы скоро станете мамой. — Улыбка у него вышла какой-то кривой, а я испугалась:

— Скажите, что со мной?

— В каком смысле? — поднял он брови.

— Это что, какая-то неизлечимая болезнь? Я могу умереть, да?

— К сожалению, мы все... как бы это выразиться... мы смертны, одним словом, но у вас столько же шансов дожить до глубокой старости, сколько у любого другого человека. Вы по-

лучили серьезную травму, а головные боли — ее последствие. Будем надеяться, что они пройдут. — Он стал что-то писать в моей карточке, затем заполнил рецепт и протянул мне. — Всего хорошего.

— До свидания. — Я покинула кабинет, занятая своими мыслями. В коридоре я взглянула на часы. Через двадцать минут у Андрюши обеденный перерыв — если я возьму такси, то успею перехватить его у проходной.

Я приехала даже раньше, устроилась на скамейке, откуда были хорошо видны массивные двери, достала зеркало, подкрасила губы, рука с губной помадой неожиданно замерла, а я со странным чувством принялась разглядывать свое лицо. Короткий нос, пухлые губы с красивым рисунком, едва заметная ямочка на подбородке, высокий лоб, большие глаза медового цвета с темными крапинами ближе к зрачку. Муж говорит, глаза у меня рысьи, наверное, так оно и есть... Длинные волосы, темные брови и ресницы, прибавьте довольно смуглую кожу, в начале лета она выглядит так, будто я только что вернулась с курорта в тропиках. Косметикой я не пользуюсь, у меня и так слишком яркое лицо. Слишком яркое, слишком правильное, слишком красивое... Стоп, о чем это я? Допустим, мне делали пластическую операцию. Ну и что? Допустим, немного подправили то, что было отпущено мне богом... Как я вы-

глядела раньше, какой я была? Хотя бы раз увидеть свое лицо... Что за глупости, вот оно, мое лицо. Я даже толком не знаю, была пластическая операция или нет, и нечего фантазировать.

Я торопливо убрала зеркало и в тот же миг увидела своего мужа, он как раз выходил из дверей, замер на крыльце и быстро огляделся. Он всегда так делает. Когда я обратила на это его внимание, он засмеялся и сказал, что это профессиональное. В Екатеринбурге муж работал в спецподразделении по борьбе с организованной преступностью, а здесь устроился охранником в Горводоканале. Конечно, работа для него совершенно неподходящая, но он утверждал, что она ему нравится, а главное — график позволял нам много времени проводить вместе. Официального обеденного перерыва у него нет, поэтому он не приезжает домой, а обедает в кафе, прямо напротив Горводоканала. Сейчас он направился туда.

— Андрей! — окрикнула я, он обернулся, а я бросилась ему навстречу.

Светлые, коротко стриженные волосы, крупные черты лица, темные очки. Казалось, лицо его высечено из гранита, впечатление усиливал высокий рост и сложение боксера-тяжеловеса (Андрей в самом деле занимался боксом, правда, довольно давно, он даже выиграл какое-то первенство. Жаль, что все его призы потерялись с тем контейнером). Андрей улыбнулся, увидев меня, снял очки, и лицо его мгновенно

переменилось: ярко-синие глаза смотрели на меня с нежностью.

— Привет, малыш, — сказал он. — Ты откуда?

— Из больницы, — ответила я, хватая его за руку. — Пообедаем вместе?

Он торопливо взглянул на часы, а потом перевел взгляд на стоянку, где была наша машина.

— Давай-ка домой.

— Там только пельмени, — предупредила я. — Я с десяти утра в больнице и...

— Я обожаю пельмени, — кивнул он, и через пять минут мы уже выезжали на проспект. — Ты была у врача? — спросил он.

— Да.

— Есть новости?

— Пока нет... — Я неожиданно смутилась, отвела взгляд, Андрей повернулся, весело подмигнул и поцеловал меня в висок.

— Все будет хорошо, — сказал он уверенно.

— Врач то же самое говорит...

— Вот видишь.

Мы въехали во двор и вскоре тормозили у подъезда, лифт не работал. Бегом мы поднялись на второй этаж, Андрей распахнул дверь, втолкнул меня в прихожую и торопливо обнял.

— Я соскучился, — сказал он с улыбкой.

— А как же пельмени? — усмехнулась я.

— Ну их к черту...

— Андрюша, мне делали пластическую операцию? — спросила я, торопясь приготовить ему бутерброды. Он пил кофе из большой чашки, одновременно стараясь попасть ногой в ботинок.

— Что? — спросил он.

— После аварии мне делали пластическую операцию? — Голос мой дрогнул, и взгляд я отвела, хотя изо всех сил старалась, чтобы вопрос прозвучал как бы между прочим.

— Пластическую операцию? — Андрей выглядел озадаченным. — После операции у тебя на лице оставалось несколько шрамов, их убрали. Я не знаю, можно это назвать пластической операцией?

Он оставил в покое ботинок, вернулся в кухню, швырнул в мойку чашку и обнял меня за плечи.

— Почему ты спросила?

— Я очень изменилась после операции?

Он пристально смотрел мне в глаза, словно хотел прочесть мои мысли.

— Что случилось? — легонько тряхнув меня за плечи, спросил он.

— Ничего, Андрюша, в самом деле ничего.

— Тогда откуда вдруг этот вопрос?

— Не знаю, — соврала я, неизвестно чего испугавшись. — Иногда мне кажется, это вовсе не мое лицо.

— Чепуха. Что значит — не твое?

— Ты не ответил на мой вопрос: я очень изменилась?

— Стала еще красивее, вот и все.

— Я очень изменилась? Поэтому у нас нет ни одной фотографии?

— О господи, Аня, у нас нет фотографий, потому что они были в контейнере, я тебе сто раз рассказывал...

— Извини, — пролепетала я. — Бутерброды готовы.

— К черту бутерброды. И что это за дурацкое «извини»?

— Я вижу, не стоило мне спрашивать... Пожалуйста, прости меня... Представляю, как тебе надоели мои вопросы и... — Слезы брызнули из моих глаз, и я пробормотала отчаянно: — Я ничего не помню. Я совершенно ничего не помню, так не бывает, Андрюша.

— Тихо, тихо, тихо, — зашептал он, прижимая меня к груди. — Ты все вспомнишь, это вопрос времени. Ты обязательно все вспомнишь. Ты говорила об этом с врачом?

— Я хотела, но... все это так по-киношному, точно мелодрама какая-то, я ничего ему не сказала.

— Ему? Разве твой врач не женщина?

— Меня направили к травматологу, я пожаловалась на головные боли и... — Муж взглянул на часы.

— Подожди секунду. — Прошел к телефону, торопливо набрал номер. — Саша, подмени меня с обеда... да... жена плохо себя чувствует...

— Я хорошо себя чувствую, — вздохнула я, когда он вернулся в кухню.

— Да? Значит, я постараюсь, чтобы ты чувствовала себя еще лучше. — Он подхватил меня на руки и слегка подбросил, а я взвизгнула от неожиданности. — Я люблю тебя, — шепнул он. — Почему ты ничего не сказала мне об этом травматологе?

— Что о нем говорить? Жанна Ивановна направила меня к нему, а он стал расспрашивать меня об аварии.

— Когда направила?

— Вчера. Он принимал с одиннадцати. Я сразу же пошла. Мне сделали снимки.

— А это зачем? — Андрей опустил меня на диван и сам устроился рядом.

— Господи, Андрюша, он травматолог, как, скажи на милость, он еще может узнать, что там с моей головой?

— Послушай, детка, у тебя отличный врач, он вот уже полгода тебя наблюдает, а ты идешь к какому-то коновалу и даже не удосужилась поставить меня в известность.

— Он только пичкает меня таблетками и...

— А этот твой травматолог, он что, излечивает наложением рук?

— Ты опять сердишься, — испугалась я.

— Разумеется. Речь идет о твоём здоровье. Ты знаешь, что я пережил полгода затяжного кошмара. Если угодно, твоё здоровье — это мой пунктик. Почему бы тебе не считаться с этим?

— Я его боюсь, — совершенно неожиданно для себя заявила я.

— Кого? — опешил Андрей.

— Твоего Эдуарда Витальевича.

— Что значит — боишься? — Муж взял меня за подбородок, должно быть, с намерением заглянуть мне в глаза, но толку от этого было мало, я упорно отводила взгляд. — Что значит — боишься? — повторил он, теперь его голос звучал очень нежно. Я устроила голову на его плече и вздохнула.

— Просто боюсь, — ответила я, потому что он ждал моего ответа.

— Он что, сказал что-то такое...

— Нет-нет...

— Приставал к тебе?

— О господи, нет...

— Тогда что?

— Не знаю, Андрюша. Он так странно на меня смотрит, точно я муха под микроскопом.

— Все эти светила медицины немного чокнутые, не стоит обращать внимание. — По тому, как он это сказал, я поняла: муж успокоился, все, что я говорю, для него теперь не более чем капризы взбалмошной женщины. — Лучше всего послать всех врачей к чертям собачьим. По-моему, ты совершенно здорова. Разве нет?

— Конечно, — согласилась я. — Ты знаешь, почему я пошла в больницу...

— Послушай, детка. — Теперь он посадил меня к себе на колени и гладил по голове, точно я была несмышленным ребенком. — Я очень люблю тебя, и мне кажется... нам ведь хорошо вдвоем, верно? — Я кивнула, пряча глаза, но не выдержала и спросила:

— У меня не будет детей? Никогда? Ты это точно знаешь, поэтому так говоришь?

— О господи, Аня... Ты совершенно здорова, и дети у нас будут, с какой стати им не быть? Прошу тебя, не забивай голову всякой ерундой, ты вполне можешь стать матерью-героиней, если захочешь. — Он засмеялся, но смех вышел натянутым, торопливо поцеловал меня, устроился поудобнее на диване и потянул меня за руку, чтобы я легла рядом с ним. — Мне не нравится, что ты так много думаешь об этом. У тебя какая-то навязчивая идея. Ты сама себя пугаешь. Это глупо. В конце концов, нам совершенно некуда торопиться. Ты успокойся, и все придет само собой, никакие врачи не понадобятся. Я очень люблю тебя, — прошептал он, а я улыбнулась.

На работу в тот день он так и не пошел. Мы отправились в парк, где прогуляли до самого вечера. Вернувшись, я стала готовить ужин, а Андрей устроился с газетой в лоджии, но в одиночестве ему не сиделось, и он вскоре перебрался на кухню. Несколько раз я ловила на себе его настороженный взгляд.

— Хочешь, поужинаем в ресторане? — спросил он.

— Что? — Я не сразу сообразила, что он спросил, занятая своими мыслями. — Извини... Нет, не стоит идти в ресторан, у меня уже все готово... Все-таки это странно, что я ничего не помню, — вздохнула я.

— Ради бога, не начинай все сначала. У тебя была тяжелейшая травма, просто поразительно,

что ты осталась жива. Пять дней в коме, две операции... Ты сама все прекрасно знаешь...

— Не знаю, — покачала я головой.

— Что ты хочешь этим сказать? — насторожился Андрей.

— Андрюша, все, что я знаю о себе, я знаю из твоих рассказов. Это так странно. Двадцать четыре года абсолютного небытия, иногда мне кажется, что меня и не было вовсе, как будто ты слепил меня из глины...

— Из ребра, — засмеялся он. — Я смастерил тебя из своего ребра, как Адам Еву, правда, Адаму помогал господь... Впрочем, мне тоже... Только благодаря его милости ты осталась жива. — Последние слова он договорил, уже поднявшись, и обнял меня. — Не забивай себе голову. Эдуард Витальевич убежден, что память к тебе вернется. Пройдет время, ты успокоишься...

— Я думаю, если бы у нас сохранились какие-то фотографии, мне легче было бы вспомнить. Ведь у мамы наверняка есть мои фотокарточки?

— Разумеется.

— А наши свадебные фотографии у нее есть? Мне бы очень хотелось...

— Наверное, есть. — Голос его звучал слегка недовольно. Я хорошо знала своего мужа и научилась распознавать его настроение по малейшим изменениям в интонации.

— Расскажи, как мы познакомились? — попросила я. — Вдруг я что-нибудь вспомню?

— Никакой романтики, — хохотнул он. — Мы каждое утро садились в один троллейбус, четырнадцатый номер. Ты всегда вставала у окна на задней площадке, а я на тебя смотрел. Однажды мы встретились вечером, ты возвращалась домой от подруги, а я с работы. Я набрался смелости, подошел и сказал: «Здравствуйте, меня зовут Андрей», а ты засмеялась и ответила: «А меня Аня», и я пошел тебя провожать. Возле подъезда мы столкнулись с твоей мамой, она шла из магазина и пригласила меня пить чай. Я ушел от вас где-то в одиннадцать, а на следующий день встречал тебя из института. Через два месяца мы поженились. Затем я получил назначение в этот город и уехал, а ты осталась в Екатеринбурге. А потом... потом ты знаешь. — Он тяжело вздохнул и стал смотреть в окно. — Твоя мама позвонила мне на работу, первым же самолетом я вылетел в Екатеринбург. Я не знал, что меня ждет, застану ли я тебя живой... Извини, я больше не хочу рассказывать. Я рад, что есть сегодня, понимаешь? Есть ты, я, и мы вместе. Все остальное не имеет значения.

— Конечно, — улыбнулась я и поцеловала его, а потом он меня, и мы на некоторое время забыли про ужин.

Следующие два дня мы провели за городом на даче Андрюшиного друга. Друг Андрея сам ездил сюда очень редко, и дача практически

была в нашем полном распоряжении, маленький двухэтажный домик на окраине деревушки, затерявшейся в лесу. Весь день шел дождь, мы сидели на веранде обнявшись и были абсолютно счастливы.

— Хочешь почитать или посмотреть телевизор? — поинтересовался Андрей.

— Нет, — покачала я головой и спросила, помедлив: — Тебе не скучно со мной?

— Мне? — Он так удивился, что мне на какое-то мгновение стало стыдно. — Что за вопрос?

— Ты ушел с хорошей должности, работаешь охранником. Разве тебя может устраивать такая работа?

— Меня очень устраивает график. Сутки отдежурил, двое дома. Я хочу быть с тобой, ты не знала? — Опять его голос изменился, точно я сказала что-то обидное.

— У нас нет друзей... по крайней мере, к нам никто не приходит, и мы за эти полгода ни разу ни у кого не были. У меня нет подруг...

— По-моему, у тебя неплохие отношения с Валентиной (это наша соседка).

— Неплохие, — согласилась я. — Она иногда заходит, и мы с ней пьем чай... Но это ведь совсем не то.

— Я понял. Ты выздоровела и хочешь жить нормальной жизнью. Мне стоило раньше об этом подумать и...

— Андрюша, — позвала я, он замолчал, настороженно глядя в мои глаза. — Андрюша, я

думаю... — Я на мгновение зажмурилась, но решила договорить до конца: — Я думаю, дела мои плохи, ты действительно любишь меня, я знаю... и... я скоро умру?

— Что? — Глаза его расширились от изумления, несмотря на трагизм ситуации, выглядел он комично, я едва сдержалась, чтобы не фыркнуть. — Что за сукин сын тебя надоумил? — Он вскочил с дивана, отшвырнул стул и так посмотрел на меня, что я на какое-то мгновение испуганно замерла, а потом принялась оправдываться:

— Прости меня, врач вел себя так странно... и я подумала... Андрюша, ты такой добрый, нежный, ты так терпелив со мной, я решила, что ты... как бы это сказать, ты хочешь, чтобы я была счастлива...

— Вот именно, — ввернул он.

— Нет, я имею в виду, ты жертвуешь собой, чтобы я в свои последние дни... — И тут он сделал то, что разом отбило у меня охоту продолжать всю эту чушь: он расхохотался, он хохотал так весело и заразительно, что я мгновенно поверила: моя близкая кончина отменяется.

— Я твоему травматологу морду набью, — заявил он, сел рядом, обнял меня и вздохнул. — На самом деле все гораздо проще. Когда случилась авария, я точно спятил, полгода жуткого страха, от которого невозможно избавиться. Все кончилось хорошо, но страх никуда не ушел. Он всегда со мной. Я боюсь, что, если оставлю тебя хоть на несколько часов одну, не-

пременно что-нибудь случится. Я извожу себя этими мыслями и не могу думать ни о чем другом. Ты сама знаешь: с работы я звоню каждый час, просто замечательно, что я сторож, на какой еще работе потерпели бы такое? Я хочу быть с тобой, по возможности, всегда, и мне никто больше не нужен, мне хорошо, когда ты рядом, спокойно и хорошо, и я совершенно не нуждаюсь в дружеских компаниях... Конечно, это чистой воды эгоизм, я прекрасно понимаю, но мне, как и тебе, нужно время, все это пройдет само собой, и тогда мы ничем не будем отличаться от других. А пока...

— Я так люблю тебя, — сказала я и в этот миг была совершенно счастлива.

В пятницу в десять утра раздался звонок, звонил тот самый врач-травматолог.

— Анна Ивановна?

— Да, — испуганно отозвалась я.

— Простите, что беспокою вас. Не могли бы вы подойти ко мне в понедельник? Я принимаю с двух часов.

— А что случилось? — Мой голос звучал так тонко, что вовсе не походил на мой обычный голос.

— Ничего страшного, уверяю вас. Я показал ваши снимки очень хорошему специалисту, и у нас возникли вопросы.

— Какие вопросы? — Я совершенно ничего не понимала и оттого начала злиться.

— Вы уверены, что попали в аварию? — Сердце у меня застучало так часто, что на мгновение перехватило дыхание.

— Что вы имеете в виду? — справившись с собой, спросила я.

— Вы помните, как произошла авария? — тщательно выговаривая слова, точно забивая гвозди, задал он очередной вопрос.

— Что вы имеете в виду? — повторила я, голос сорвался, я тряхнула головой и опустилась в кресло.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — очень ласково заговорил он, как будто видел мое состояние. — Это самые обычные вопросы. У вас была травма головы, иногда после этого наступает частичная амнезия, потому я и спрашиваю: вы помните саму аварию?

— Нет, — подумав, ответила я. — Я помню, как очнулась в больнице.

— В Екатеринбурге?

— Да.

— Хорошо. — Я мрачно усмехнулась, прикидывая: чего хорошего он усмотрел во всем этом. — Анна Ивановна, я вас попрошу о нашем разговоре пока никому не рассказывать.

— Что вы имеете в виду? — Я опять перепугалась.

— Вы живете с мужем, так? Не стоит лишний раз его беспокоить, пока мы не разберемся со всем этим. Я жду вас в понедельник. Всего доброго.

Короткие гудки надоедливо повторялись, а я сидела в кресле, не в силах пошевелиться.

— Господи, что это такое? — пробормотала я, потом, точно очнувшись, набрала код Екатеринбурга. Мама сняла трубку после второго гудка.

— Анечка? Здравствуй, дочка. — Голос ее звучал нежно. Я зажмурилась, изо всех сил пытаюсь представить свою мать. Я знаю, она невысокого роста, седые волосы (сказались обрушившиеся на нее переживания), карие глаза, смуглая кожа (Андрей говорит — мы похожи). Я просила ее прислать фотографию, но мама не может надолго оставлять отца, и на то, чтобы сфотографироваться, у нее просто нет времени. «Идиотская отговорка», — прошелестело в моем мозгу. Впрочем, какая разница: есть фотография или нет? Это моя мама.

— Мамочка, — начала я, вышло у меня как-то испуганно, — пожалуйста, расскажи мне об аварии.

— Что случилось, деточка?

— Ничего. Я просто хочу знать.

— Аня, мне так тяжело вспоминать все это... Ну хорошо... Что тебя интересует?

— Как это произошло?

— Андрюша уехал, а ты взяла вашу машину. Возвращалась от подруги поздним вечером, сворачивала к нашему дому. Темнота, ни один фонарь не горел. Возле тротуара стоял «КамАЗ» без габаритных огней. Скорость у тебя была приличная... О господи, Аня, это так ужасно.

От удара тебя выбросило в окно, тебя нашли в нескольких метрах от машины. Ко всему прочему, ты упала затылком на высокий поребрик, отделяющий тротуар от проезжей части. Это чудо, что ты осталась жива. Мы с папой каждый день благодарим бога.

— Мама, это точно?

— Что? — растерялась она.

— Все действительно так и было?

— Деточка моя, это случилось в трех шагах от нашего дома. Я прибежала раньше, чем приехала «Скорая», наши соседи ехали следом... Я держала тебя на коленях...

— Мама, прости, прости, пожалуйста.

Она немного помолчала, затем сказала:

— Мне еще очень больно, как будто это случилось только вчера... Аня, почему ты заговорила об этом? Разве ты сама не помнишь, как возвращалась домой? Почему такая странная фраза: точно ли была авария?

Я прикусила язык. То, что я абсолютно ничего не помню о своей прошлой жизни, мы с Андреем решили держать от родителей в секрете.

— Я просто неправильно выразилась. Я была у врача, меня беспокоит, что я не могу забеременеть, и я подумала...

— Анечка, все будет хорошо, поверь мне, главное, ты жива и здорова. Хочешь поговорить с папой? Правда, он только что прилег...

— Не тревожь его. Просто передай ему от меня привет.

— Конечно. Как у вас с Андрюшей? Все хорошо?

— Да.

— Тебе очень повезло с мужем. Поцелуй его за меня.

— Мама, ты разыскала Лиду? (С Лидой мы вместе учились в институте, о ней я тоже узнала от мужа.)

— Я звонила, мне сказали, что она вышла замуж за военного, и они уехали куда-то на Север.

— Кто-нибудь из школьных или институтских друзей звонил?

— Нет, деточка. Ты же знаешь, как бывает, у всех своя жизнь, свои заботы...

Мы простились. Я закусила губу и несколько минут пялилась на телефон, затем вновь сняла трубку и позвонила в бухгалтерию Горводоканала. Женский голос сердито отозвался:

— Бухгалтерия.

— Извините, мой муж работает у вас в охране. Вы не могли бы сообщить, какая у него зарплата?

— Оклад охранника семьсот шестьдесят рублей, — коротко сказала женщина и повесила трубку. Цифра вызвала у меня шок. Конечно, я не ожидала, что муж получает сумасшедшие деньги, тем более что он сам подсмеивался над своей работой и называл себя не иначе как сторожем. Но семьсот шестьдесят рублей... Конечно, мы живем довольно скромно, по магазинам в основном ходит Андрюша, но я ведь не

совсем дура и цены в этих самых магазинах мне известны. Мы тратим денег по меньшей мере в шесть раз больше. Откуда они?

Я взглянула на часы и торопливо начала собираться. Я хотела увидеть мужа, надо все это как-то прояснить, слишком много вокруг загадок, и они меня пугают.

Через полчаса я была возле проходной, но, против обыкновения, не стала устраиваться на скамейке, а прошла чуть дальше и замерла на углу магазина. Время тянулось страшно медленно, я начала считать до тысячи, сбилась на первой же сотне и немного прошлась, неотрывно глядя на стрелки своих часов. Они точно замерли, а я вдруг подумала о том, что разговор с Андреем не сулит мне ничего хорошего, его возмутят мои подозрения, и правильно... Он замечательный муж, нежный, заботливый, он любит меня, а я как будто за ним шпионю. Кому это понравится? В конце концов, у нас могли быть какие-то сбережения... Я просто хочу спросить, что в этом особенного?

Я сделала еще два шага и увидела мужа, он только что вышел из проходной и по привычке оглядывался, затем не торопясь пересек улицу и вошел в кафе, а я бросилась следом, но в большом зале кафе Андрея не обнаружила. Впрочем, он мог пройти в туалет... Вместо того чтобы устроиться за одним из столиков и терпеливо дожидаться появления мужа, я неожиданно для себя прошла мимо стойки в узкий коридор, буфетчица отсутствовала, и на мое вторже-

ние никто не обратил внимания, рядом с кухней виднелась еще одна дверь — она выходила на улицу. Я распахнула ее и увидела заасфальтированный пяточок с мусорными баками, рядом с ними стоял «БМВ» зеленовато-серого цвета, на заднее сиденье которого как раз сиделся мой муж. В то же мгновение машина тронулась с места и вскоре исчезла за поворотом.

— Вам чего? — услышала я за своей спиной, повернулась и увидела женщину лет тридцати в белой куртке и косынке, она с подозрением разглядывала меня.

— Извините, — пролепетала я, выскочила на улицу, свернула за угол и начала вертеть головой во все стороны, но «БМВ» точно испарился.

«Ну и что тут особенного, — утешала я себя, пешком возвращаясь домой. — Мой муж сел в чью-то машину... Это я сижу дома и ни с кем не общаюсь, а у него есть знакомые, друзья... по крайней мере, один друг, на даче которого мы отдыхаем. Мало ли с кем он мог встречаться в свой обеденный перерыв?»

Но странное беспокойство не отпускало меня, и вместо того чтобы свернуть на проспекте в сторону дома, я направилась к универмагу, прекрасно сознавая, что в четырех стенах квартиры мне сейчас просто не высиживать.

Я переходила дорогу, когда меня точно ударило в спину, а в висках застучало: «опасность». Я выпорхнула на тротуар, сделала три шага в сторону, наклонилась, поправляя босоножку, и

осторожно огляделась. Темный «Фольксваген» свернул к универмагу, очень медленно, точно выжидая. Я выпрямилась и пошла по тротуару, разглядывая витрины, «Фольксваген» притулился у тротуара, но на автостоянку возле универмага въезжать не стал.

Я уставилась в витрину, делая вид, что рассматриваю выставленные в ней игрушки. Из «Фольксвагена» никто не появился, только чуть приоткрылось окно, а я направилась в сторону кафе, которое было по соседству с универмагом. «Фольксваген» плавно свернул в переулок и вскоре вновь возник за моей спиной.

Я вошла в кафе, купила мороженое и устроилась возле окна, но интересующую меня машину больше не увидела. Через несколько минут в кафе вошел молодой мужчина. Джинсы, футболка, короткая стрижка, темные очки, делавшие его каким-то безликим... Он огляделся, задержал на секунду взгляд на мне и устроился за соседним столиком. Я чувствовала, что он смотрит мне в спину. Поднялась и взяла еще мороженого, чтобы как следует разглядеть парня. Я возвращалась к столику, когда он меня окликнул:

— Ксения. — Это было вовсе не мое имя, но я почему-то вздрогнула, резко повернулась и, глядя на него, спросила:

— Вы мне?

— Конечно, — улыбнулся он.

— Вы ошиблись, — стараясь скрыть испуг, сказала я. — Меня зовут Анна.

— Ах да, конечно. — Улыбка у него вышла кривой и чересчур насмешливой. — Простите, я ошибся. Конечно, Анна.

Я устроилась за столом спиной к нему, но он тут же возник рядом, подвинул стул и вновь принялся ухмыляться.

— У вас что, такой способ знакомиться с женщинами? — нахмурилась я, он засмеялся, а я добавила: — Я замужем, если это вам интересно, и, извините за грубость, мой муж вам свернет шею. Особо крепким парнем вы не выглядите, а мой муж чемпион по карате.

— Надо же, как не повезло. Хотелось бы на него взглянуть, вдруг он не такой уж и страшный.

— Не советую, — сказала я, поднялась и взяла сумку.

— Кончай дурить. — Он схватил меня за руку. — Не могла же ты меня не узнать. Это просто смешно.

Я резко опустила на стул, глядя в его лицо, а он, точно желая помочь мне, снял очки и бросил их на стол.

— Ну, теперь узнала?

— Как вас зовут?

Он хмыкнул и дурашливо пропел:

— Анатолий. Еще вопросы есть?

— Да. Мы знакомы?

— О господи... конечно, мы знакомы. У тебя что, память отшибло?

— Да, — кивнула я, глядя на него.

— Что? — хмыкнул он.

— У меня отшибло память. Если вы хотите, чтобы я вас вспомнила, расскажите, когда и где мы встречались.

— Ах вот как. — Он засмеялся. — Здорово. Это, наверное, очень удобно, когда память отшибает.

— Это вы были на синем «Фольксвагене»?

— Я.

— Вы следили за мной?

— Почему следил? Я неожиданно увидел женщину, которая исчезла из моей жизни несколько месяцев назад, и решил узнать, как у нее дела.

— Почему вы назвали меня Ксенией?

— Просто так, — пожал он плечами. — Шутка.

— Вы сумасшедший, — поднимаясь из-за стола, сказала я. — Если произнесете еще хоть одно слово, я позову милицию.

— Разумеется, милицию. Знаешь, это было бы забавно. Ты Шульгина Анна Ивановна, так? Двадцать четыре года, место рождения город Екатеринбург. Вроде бы ничего не напутал?

— Мы что, действительно знакомы? — насторожилась я.

— Точно. — Он схватил меня за руку, больно сжал. — Я тебе больше скажу, у тебя есть наколка, так? Очень миленькая такая штучка на внутренней стороне бедра. Подожди-ка, дай вспомнить, на левой ноге или на правой? На левой, точно. Угадал? — Я густо покраснела и выдернула руку.

— Кто вы? — спросила я зло, а он рассмеялся:
— Я — твоя недремлющая совесть. Устраивает?

— Я думаю, вы сумасшедший сукин сын. — Голос мой не дрожал, и даже особого волнения я не испытывала, только злость. — Я не знаю, откуда вам все это известно, но если вы еще раз попытаетесь заговорить со мной...

— Я понял, можешь не ораторствовать. Ты — это вовсе не ты, совсем другой человек. Замужняя женщина, которая мечтает о ребенке.

Не помню, как я выскочила из кафе, и смогла прийти в себя, только оказавшись дома. «Я так и не увиделась с Андреем», — думала я, глядя на телефон. Точно угадав мои мысли, муж позвонил, я подпрыгнула, услышав звонок, и поняла, как напряжены мои нервы.

— Привет, детка, — сказал Андрей. — Где ты была? Я звоню в третий раз.

По привычке я собралась сразу же все рассказать ему, но вдруг споткнулась на первой фразе и сказала:

— Я хотела увидеться с тобой в обед.

— Да? И что?

— Не застала тебя в кафе.

— Я уезжал по делам.

— По каким делам? — помедлив, спросила я.

— Вернусь домой, расскажу. У тебя печальный голос. Скучаешь?

— Нет. Я глажу белье и смотрю телевизор. — Какого черта я соврала?

— Отлично, тогда до встречи. — Он повесил трубку, а я заметалась по квартире. «Почему я ему не сказала? — думала я, переставляя посуду на кухонной полке. — Например, о звонке травматолога... Врач усомнился в том, что я попала в аварию, но что же еще могло произойти со мной? Да все, что угодно. Я ведь действительно ничего не помню. И эта встреча в кафе, какой-то сумасшедший Анатолий... Откуда он может знать о моей татуировке?»

Татуировка у меня действительно была. Очень странная, на мой взгляд, да и место для нее я выбрала, мягко говоря, необычное. Андрей рассказать о ней ничего не смог, утверждая, что на момент нашего знакомства она уже была, а ее происхождение я держала в секрете. Если я сама не вспомню, это навсегда останется тайной. И вдруг появляется человек, который знает об этой татуировке. Что еще ему известно обо мне? Следовало бы его расспросить... Тут я вспомнила его взгляд и усмешку и поняла, что дело это безнадежное. Теперь главное: рассказать Андрею об этом парне или нет? Если рассказать о встрече, придется сообщить и о татуировке. И что тогда подумает мой муж? То же, что и я минуту назад: этот самый тип с гнусной ухмылкой и злыми глазами когда-то был близким мне человеком... до моего замужества, разумеется. Я даже мысли не допускаю, что могла бы изменить Андрею. А что, если сам Андрей решит иначе? Господи, что же мне, молчать? Еще эта авария... А что, если в дейст-

вительности не было никакой аварии, а было что-то постыдное, мерзкое, что-то связанное с этим типом в кафе? Что-то такое, о чем мой муж предпочел забыть из благородства, простив меня? Чушь. Мелодрама какая-то... Если бы я могла вспомнить хоть что-нибудь, хоть какой-то отрывок, зацепиться за него и тянуть, как за ниточку: воспоминание за воспоминанием...

Я ничего не скажу Андрею, пока не пойму, что происходит (а что, собственно, происходит?), по крайней мере до тех пор, пока не встречу в понедельник с врачом и не выясню все, что касается моей травмы.

Я понемногу успокоилась и даже смогла заняться кое-какими домашними делами. Вечером позвонил Андрюша и пожелал мне спокойной ночи. Я легла спать и впервые увидела сон, то есть впервые с того момента, как все о себе забыла. Должно быть, раньше сны мне снились, потому что я знала, что такое сны.

Сон приснился мне уже под утро... Захлебываясь от крика, я проснулась в холодном поту, в спальню влетел вернувшийся с работы Андрей, который в это время пил в кухне кофе, схватил меня за плечи, заглядывая в лицо и что-то шепча, а я лишь через минуту поняла, что на самом деле ничего не было, а был только сон.

— Мне приснился кошмар, — пролепетала я.

— Слава богу, — покачал головой Андрей. — Не кошмар, слава богу, разумеется... Ты так меня напугала. — Он прижал меня к груди,